

Однако, повторяем, материал, представленный в книге, и особенно в первой и второй главах, столь хорош, что позволяет предположить следующую концептуальную перспективу этой темы. Взгляд на церковнославянский язык рубежа XIX–XX вв. как на предмет *этнографии* вполне логично можно было развить, взглянув на ситуацию с церковнославянским языком послевоенного периода как на предмет *социологии*.

Что произошло в эпоху культурной революции, когда священник перестал быть пастырем? Священник стал профессионалом, точнее он стал восприниматься самой Церковью как профессиональная фигура, и поэтому его следовало обеспечить профессиональным языком. Церковнославянский язык выступил в такой культурно-языковой ситуации не просто как язык традиции, но и как язык профессиональной корпорации, как язык, на котором священник должен осуществлять свою профессиональную деятельность – служить литургию. Поэтому и Патриархия видела свою задачу прежде всего в том, чтобы дать ему книги, по которым он будет служить вышеупомянутую литургию. Это уже секулярный подход к священнику, взгляд на него как на профессионала, а не как на пастыря. И когда выясняется, что паства этим языком не владеет, когда выясняется, что это уже иная паства, то задачей священника становится только честное выполнение своей работы, а задачей Церкви – обеспечение его всем необходимым, в первую очередь богослужебными книгами. Конечно, Патриархия не ошиблась в том, что стала видеть в священнике профессионала, тем самым руководство Церкви показало себя адекватным новому обществу – обществу индустриального периода, но открытым остался вопрос: как язык культуры сделать языком культуры и кто может выступить здесь миссионером? Показательно, что книгу «История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.)», первую книгу по этому периоду, написали миряне-филологи, а не представители клира.

Примечания

¹ См. об этом подробно: *Светозаров В.Л.* Книга И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» и борьба вокруг нее // Православие в истории России: Матер. науч. конф. «Православие в истории России. Прошлое и современность». СПб., 1999. С. 55–69.

² *Кравецкий А.Г.* Язык литургии как предмет этнографии // Славянские этюды. Сб. в честь юбилея С.М. Толстой. М., 1999. С. 228–242.

В.Е. Семенов

© 2002 г., ЭО, № 3

Л.И. Рославцева. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 2000. 104 с., 18 табл., 4 цв. ил.

Работа Л.И. Рославцевой – первое исследование костюма крымских татар во всей его полноте.

Трагическая судьба народа, депортированного в 1944 г., и нелегкая судьба самих объектов изучения (предметов материальной культуры) на долгое время вывели их за пределы научной сферы. Оказавшись в чуждой среде обитания, крымские татары утратили значительную часть своего культурного наследия, а сохранившиеся предметы традиционного костюма оказались разрозненными и разбросанными по разным музеям. Чтобы воссоздать полные комплексы костюма, автору пришлось проделать большую и скрупулезную работу.

Л.И. Рославцева, взяв за основу коллекции костюма крымских татар в музеях Крыма, Санкт-Петербурга и Москвы, привлекает разнообразный дополнительный материал – архивные данные, описания путешественников, фотографии и старинные гравюры, обращается к древним тканям, к формам одежды византийцев, турок и других народов, к их традиционной орнаментике. Автор предпринял поездки в Крым и Среднюю Азию – место нового обитания крымских татар, где еще можно было застать людей, помнящих традиционный уклад быта своего народа. Опросные сведения значительно расширили круг этнографической информации.

Все это послужило базой для нового взгляда на формирование крымско-татарского этноса, вполне обоснованного рядом фактов из их политической, культурной и духовной сфер.

Рассмотрение костюма предваряет исторический обзор (к сожалению, сведенный до минимума), позволяющий представить всю сложность этнокультурных процессов многовековой истории Крыма. Л.И. Рославцева сумела разобраться в хитросплетении многовековых этнокультурных напластований и, углубляясь в древность, найти не случайные аналогии, а реальные истоки материального выражения непрерывной преемственности культур начиная с I тыс. до н.э. (как она это сделала на примере сопоставления скифского пояса из археологических раскопок с современным поясом крымских татар). Убедительно показана история формирования двух основных субэтнических групп крымско-татарского этноса: одной на основе степных, другой – на основе земледельческих элементов, своим происхождением уходящих в глубокую древность. Анализируя мельчайшие детали и подчас трудноуловимые явления, увиденные в историческом контексте, автор сумел показать пути сложения этих групп.

Удача структура работы, где после исторического экскурса и обзора источников рассматриваются ремесла, связанные с созданием костюма. Уделяется внимание организации ремесленного производства, подробно характеризуются шитье и качество с их региональными особенностями и умелое применение привозных красителей.

Затем подробно анализируется сам костюм во всем многообразии его элементов, начиная с характеристики используемых тканей, варианты кроя, все детали одежды, характерная для каждого случая цветовая гамма, виды и место орнаментики, типы шитья, манера ношения, общий силуэт. При этом не упускается из поля зрения региональная специфика, которая не только констатируется, но и убедительно объясняется историческими процессами, генетическими корнями и разнообразными этнокультурными контактами.

Особая глава посвящена обрядовой одежде, атрибутике свадебного, похоронного и других обрядов. Выделены детали костюма, определяющие роль каждого действующего лица в конкретном обряде. Выявлено единое смысловое содержание участия отдельных элементов костюма в разных по своему значению ритуальных действиях: «опоясывание» на свадьбе и в обряде посвящения в мастера, повязывание платка друзьям на свадьбе и в ритуале обрезания. При рассмотрении обрядовой одежды анализируются факторы профессиональной принадлежности, взаимовлияния различных религиозных представлений и многие пережиточные явления, вовлеченные в сферу традиций бытовой культуры этого народа той частью крымско-татарского этноса, которая в основном сформировалась из народов, ранее исповедовавших христианство (прежде всего это относится к грекам, заложившим основу южнобережной группы татар). В выявлении и правильном распределении всех этих акцентов и состоит заслуга автора, умеющего перейти от рассмотрения частных примеров к формированию серьезных исторических выводов.

Обращаясь к цветовой гамме костюма и его орнаментике, автор отмечает их смысловую нагрузку, сопоставляя костюмы стеньяков и земледельцев. Прослежено изменение символики цвета во времени.

Значительный материал для рассмотрения истории конфессиональной принадлежности населения Крыма дает анализ орнаментики деталей костюма. Так, на этой основе автором выявлен древний пласт византийской культуры.

Л.И. Рославцеву отличают широта взгляда, умение в частности, казалось бы далеко отстоящих друг от друга во времени и в пространстве, увидеть ту общность, которая позволяет понять всю сложность процессов и воссоздать стройную картину этнокультурных взаимодействий, рассматриваемых в исторической перспективе. Мы видим это на примерах сопоставления идентичных коптской и крымско-татарской тканей, обшлагов к платью татарки и поручей византийского священнического облачения, анализа композиций и элементов орнаментики, кроя и облика всего предмета («арнаутская» куртка). В подтверждение наблюдений, сделанных на основе конкретных моментов, привлекаются данные антропологии, исторические свидетельства о миграциях этносов, собственные опросные сведения. Как видим, это не единичные, случайные, хотя и удачные находки, а выражение строя научного поиска и научной мысли, свойственных автору.

Разработка предложенной темы в контексте археологии, истории, этнографии и антропологии отражает высокий уровень исследовательского подхода автора, его широкую научную эрудицию и знание смежных дисциплин. Проведена уникальная работа по атрибуции беспаспортных коллекций на основе собственных полевых записей и скрупулезного изучения материалов предшественников.

Представлена большая библиография на европейских языках (включая болгарский и литовский), а также на арабском и армянском, показывающая широкий охват евразийского ареала в его этногенетических и исторических связях с Крымом.

Книга интересно иллюстрирована, но желательно было бы видеть в ней больше этнографических бытовых сцен, представляющих полный ансамбль мужского и женского костюма разных субэтнических групп. Кроме того, в работе, где рассматриваются отдельные группы этноса и связи их с географической средой, необходима карта Крыма с обозначением зон расселения. Тем не менее эти недостатки не снижают несомненной значимости работы.

Собранный Л.И. Рославцевой по крупицам материал дал ей возможность впервые воссоздать полный комплекс многоэлементного крымско-татарского костюма с его региональной спецификой и в динамическом развитии (тесно связанном с происхождением и историей самого народа). Особая значимость книги состоит в том, что она в значительной мере заполняет лауну, которая образовалась в результате длительного умалчивания целого народа, его истории, культуры и духовной жизни.

Рассматриваемая монография – образец глубокой разработки вопросов материальной культуры любого этноса.

Обоснованность авторских положений, свой, нестандартный подход к объекту исследований делают работу Л.И. Рославцевой серьезным вкладом в историю крымско-татарского этноса.

О.Н. Иневаткина

© 2002 г., ЭО, № 3

Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. Vol. 13. Plains / Vol. ed. R.J. DeMallie. Wash., 2001. XVI, 1360 p., ill.

"Справочник по индейцам Северной Америки" (далее - HNAI) - один из самых масштабных проектов в истории изучения коренного населения Нового Света. О выходе 12-го тома, "Плато", уже сообщалось¹. Новый посвящен Великим Равнинам - в современном американском словоупотреблении просто "Равнинам". Из-за большого объема он разбит на две части с единой пагинацией.

Первая попытка создать справочник по культуре индейцев была предпринята еще в начале XX в.² Гораздо больший научный резонанс имел "Справочник по индейцам Южной Америки" под редакцией Дж. Стюарда³: шесть томов, изданных в 1946-1950-х годах (еще один том с указателями вышел позже), содержали не только исчерпывающие для своего времени данные по этнографии континента, но и новую, неэволюционистскую концепцию доколумбовой истории. Появившийся в 1960-1970-х годах "Справочник по индейцам Центральной Америки"⁴ разочаровывал конспективным характером приводимых данных, особенно этнографических, и отсутствием ясной научной концепции. По прошествии многих лет после выхода основной серии томов дополнительные все еще допечатываются, выполняя по сути дела роль аннотированного библиографического указателя.

20-томный HNAI значительно превосходит предшествующие "Справочники" как объемом, так и систематичностью. HNAI был задуман в 1965 г., когда наука, в том числе и гуманитарная, еще оставалась независимым и престижным общественным институтом. Ни ее главное назначение (получение новых знаний) ни объективный характер самого знания всерьез не оспаривались. Не забудем, что именно конец 1960-х - начало 1970-х годов были временем осуществления поразительно результативных программ по изучению центров культуро- и политогенеза в Новом и Старом Свете.

С конца 1970-х годов наука стала утрачивать автономию и оказалась в финансовой и даже юридической зависимости от самых разных общественных институтов и организаций. В археологии основные средства стали направляться не на фундаментальные разработки, а на рутинные спасательные раскопки, предшествующие хозяйственному освоению территории. Требование индейских общин передавать им для захоронения все обнаруженные при раскопках человеческие останки (независимо от их возраста) сделалось темой бесконечных судебных тяжб⁵.

В то же время методический уровень и техническая оснащенность исследований значительно выросли. В этнологии наблюдения в основном уступили место интерпретации культур с позиции их носителей. За бесспорным утверждением о равновеликой ценности всех культур все чаще следовал вывод, будто евроамериканская антропология с ее "иудео-христианскими" корнями⁶ не отличается принципиально от